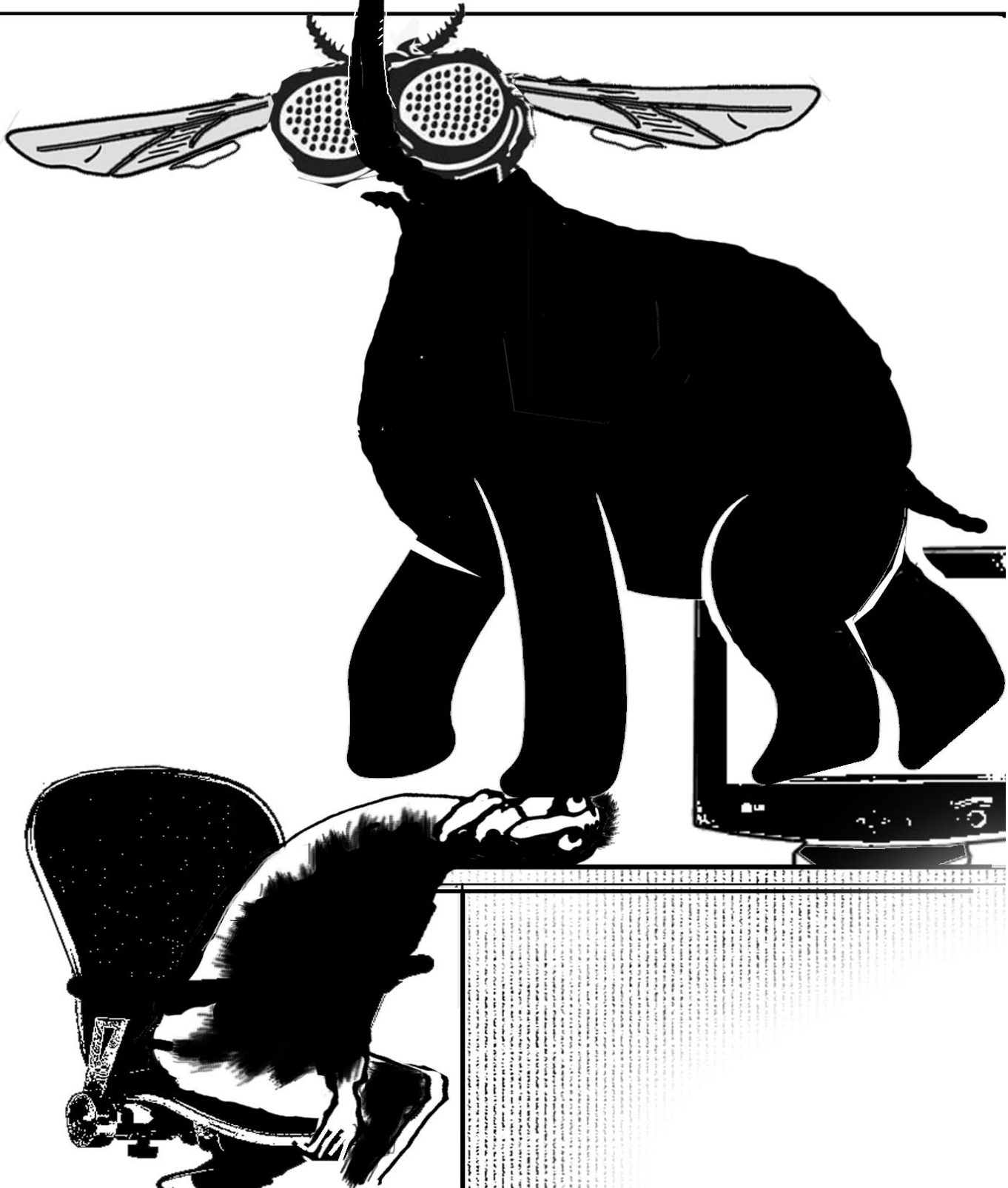

CYETA

Семен Грила

Суета

Сопли. Стало быть, опять простуда. Опять грипп. Опять головная боль. Крутит ноги и руки. А дедлайны никто не отменял. И чтобы мне отказаться — нет! Я не только не отказался, но и настаивал на своём участии и взял на себя непомерно много. Гордыня обуяла, как всегда.

Так или примерно так думал Гриша — Григорий Черешнев, если заглянуть в документы. Впрочем, он любил придумывать: свою жизнь, свою поджизнь и свою ещё не жизнь. Прошрое и будущее.

Он был подёнщиком — низший класс. Такие люди были всегда: самая низкооплачиваемая работа в трюме или работа за других. Трюм мог быть и фигуральным, и чаще всего таковым и был.

Тексты. Тексты, тексты... Нет, никаких подделок, никаких копий — только сопровождение. Поддержка существования тех, кто мог платить за это деньги. Многим нужно было слыть, а не быть; многим было наплевать на всех и на всё, кроме ритуалов и манер. Стиль соблюдался, а внутри — неважно. Упаковка.

Вот этим он и занимался — упаковыванием людей. Человеков, которые хотели казаться интеллектуалами или хотя бы просто людьми, которые в теме мейнстрима — или чуть сбоку, впереди, но ни в коем случае не сзади.

Коростылёва была блогершей с миллионами подписчиков в телеграме/инстаграме и ведущей с немиллионами в ютубе. Топ, но не до конца. Полутонка. Не трёхтонка.

Сегодня она ждала постановки материала про кино. Прошёл Каннский фестиваль. Она наснимала там селфи и всего прочего, заплатив за сессию, но нужна была и рецензия. Нет, рецензии: несколько коротких реплик и один, но большой текст с разбором полётов.

Гриша не спал ночь. Она ему писала из Канн, подавала сюжеты и реплики. Он сморкался и кашлял — красный и изнурённый.

Он смотрел репортажи. Он ненавидел людей: эти платья, эти позы, смех и фальшивые поцелуи. Говно — это всё он видел тысячу раз, и оно никак не менялось. Нет, менялось: становилось плотнее. Ряды смыкались. Культуры всё меньше, лоска всё больше. Технологии побеждают всё живое, и это было Грише отвратительно.

«Канны с их левацким взглядом на культуру через потребности маленького человека, сквозь плотные занавески, отгораживающие жюри от мира, где происходят конфликты мировоззрений, где лицемерие наглеет до конца, девальвируют набранный когда-то авторитет, превращая его в раздачу индульгенций».

Гриша не попадал в клавиши.

«Они, суки, должны вселять уверенность в настоящих творцов будущей реальности, а не потакать шаблонам прошлого. Констатация и перепевки одних сценариев в другие, бесконечные повторения, имитации и разоружение перед силой прямого удушения нестерильных позиций».

Он отослал наброски Коростылёвой.

«Что это за хуйня? — написала она ему. — Немедленно возьми и напиши нормальную мне, блядь, рецензию».

А пошла она тогда! Гриша закрыл ноутбук и налил виски в стакан.

«Мифология Канн перестала греть душу, хотя она не грела её ни Сартру, ни Трюффо, ни остальным — тем, кто считал фестивали освобождением культуры, а вышло наоборот».

Гриша прочитал это — или ему померещилось? Вроде это было в ленте. Кто это написал? Он открыл ноутбук — нет, не померещилось. Некто Невструев ссылался на сороковые годы, на лидерство Сартра и на прочую ерунду. «Канны, — писал автор, — это умозрительное прошлое. Оно пошло, трещит и маскирует, сводит на нет усилия постлибералов вернуть традицию в семью».

Гриша опять закрыл ноутбук. Телефон пищал от сообщений.

Гриша вспомнил Бергмана: «Фестивальная суета омерзительна», — говорил он. Вот-вот. А если так, то чего от меня хотят? Я не Бергман, не Висконти и не Камю.

Гриша заплакал. Ему было больно и страшно. Он бредил. Он почему-то решил, что если сейчас Коростылёва его не возьмёт, то всё — он больше не найдёт работы. Он забыл, что имеет в своём активе с десяток действующих подрядов. Он был подёнщик — он найдёт работу всегда. Но всего этого он не помнил: он был там, в Каннах, на ярмарке тщеславия, а значит — значит, он был один и навсегда. Самый нужный и самый почитаемый.

В дверь позвонили. Гриша не услышал. В дверь начали стучать. Гриша услышал и испугался. За ним пришли. Наверное, он что-то не так написал, или его слил заказчик, или кто-то пожаловался в Канны. Последнее предположение отрезвило и вернуло мозг Гриши на сторону света. Он поднялся, потому что молотить не переставали, а к ударам добавился голос: «Открывай, тварь, я знаю, ты дома!»

Это была Коростылёва.

Он открыл дверь и заорал. Она была без грима — или это была не она. И то и другое было ужасно.

Нет, не Коростылёва. Она прислала свою помощницу, свою почти копию. Потому что Гриша ушёл со связи. Потому что он её подставлял — подставлял с рецензией и с синопсисом ночного эфира в ютубе. Сука!

Про синопсис он слышал впервые.

«Ты забыл! Ты debil!» — орала Коростылёва в трубку. Помощница нашла её и дала ему, молча подождав, пока он включит.

Коростылёва хотела передачу про коммерческие Канны — где всегда побеждает тот, кто договорился с фестивальной мафией: этими продюсерами, прокатчиками и журналистами.

— Кто гость? — спросил Гриша.

— Ты, Гриша, и будешь гостем, если обещаешь сказать всё правильно.

— Нет, мать, я не публичный пассажир.

— Так пора начинать, — она засмеялась. — В общем, давай в душ, потом оденься красиво до пояса — и будем писаться.

— А красиво выше пояса или ниже? — спросил Гриша.

— Не смешно.

— Как будешь меня титровать?

— Автор романа «Канны», документального, основанного на воспоминаниях участников и обслуживающего персонала. Ты же подёнщик? Вот.

— Но такого романа нет. Я точно его не писал.

— Напишешь, а пока цитаты оттуда приготовь.

— А что я должен сказать правильно?

— А! Вот молодец, чуть не забыла. Ты должен сказать, что победители Канн — это всегда политические назначенцы и бюрократические решения Парижа, Берлина и Брюсселя.

— Да ладно.

— Именно так! И все всегда это говорили: и в 47-м, и в 68-м, и теперь. Крайне левые либо держали там масть, или — если это не удавалось — бойкотировали. Поэтому и Звягинцев, поэтому и все остальные, кто там был.

— Тут слишком много букв. Ты же сама не смогла бы их собрать.

— Клиент — заказчик и друг.

— Понятно. А я — промокашка.

— Ты дизайнер всех наших побед. Дотираешь нестираемое. Тебе не привыкать.

— Репутация.

— У подёнщика нет репутации.

— Гордость.

— В жопу засунь. Ладно, я побежала. Света проследит. Через два часа чтобы был готов.

— Ты пизда и мразь.

— А ты огурчик малосольный. Пока.

Через два часа они записали ролик передачи, послали, кому надо было послать, там одобрили без замечаний — ну, кроме мелких стилистических, — обещали ротацию.

В это время Гриша опять уже спал, напичканный жаропонижающими лекарствами, а потому усыпляющими. Канны. Ему опять снились Канны. Но не фестиваль, а роман. Он вертит книгу в руках, а вокруг девушки-девушки-девушки.

***

— Все инструменты сломались, чем мы будем работать завтра? — говорил большой начальник своим помощникам. — Нам нужны

новые лица. Чтобы использовать новые лица завтра, их надо заигрывать уже сегодня, — тут он позволил себе улыбку.

Все кивали.

— Идите работайте, — сказал босс.

Все встали и ушли.

Медиатитан включил ютуб и увидел Гришу. Вернее, услышал его рассказ о романе про Канны, который он сейчас заканчивает. Он вызвал помощника.

— Видишь, — сказал он, кивнув на экран, — найди мне его, и роман найди. «Канны» — так и назовём новый проект. Взорвём Европу к ебням. Снимем фильм и повезём в Канны. «Канны» — в Канны.

Он отослал помощника и набрал номер.

— Есть идея, — сказал он в трубку. — Есть! — произнёс, выслушав ответ. — Буду в четырнадцать. Хорошо. Есть!

Положил трубку. Потёр виски.

***

Гриша в изумлении выслушал звонившего.

— Когда выйдет роман? Пока не знаю. Нет, помощь не нужна. Конечно, сообщу. Конечно, буду. До свидания.

Канны, Канны, дались всем эти Канны... Наваждение. Роман? Где я им возьму роман? Написать? Да ну вас совсем. Лучше я выйду в окно.

Но он не вышел в окно — он пошёл писать роман.